

Н.Б. СКВОРЦОВ
(Волгоград)

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ АВТОРЫ
XIII–XIV вв. О НАСЕЛЕНИИ
ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ**

Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло внесли важный вклад в организацию сбора информации и расширения знаний об интересующих областях жизни тех, кто заселял южно-русские степи. Анализ этих источников позволяет говорить о казачестве как о несуществующем явлении в жизни раннего средневековья на этих территориях.

Ключевые слова: миссия, путешествие, монах-францисканец, христиане, русские, страх, Золотая Орда, практика торговли, информация.

Источниковедческая ценность того, что писали иностранные авторы о России, привлекала и привлекает внимание многих исследователей. Это связано прежде всего с тем, что, наблюдая одни и те же жизненные реалии, описывая, казалось бы, одни и те же события, иностранцы и русские рассматривают их с различных позиций. Русские авторы замечают факты, отклоняющиеся от нормы, при этом не фиксируя данную норму как таковую, поскольку она для них очевидна. Вероятно, то «обычное» и «правильное» как бы ускользает от их внимания. Иностранцам достойной описания представляется сама норма жизни, которую они и фиксируют.

Привлечение к решению нашего вопроса работ арабских и западноевропейских авторов в первую очередь обусловлено необходимостью проверки той информации, которую несли в себе русские источники. Во-вторых, это связано с арабской мусульманской экспансией, которая отмечалась в тот период. Мы должны помнить, что арабы завоевали в VII – VIII вв. центральную часть юго-восточной Азии, часть Кавказа, север африканского континента. Они стали полными монополистами в морской торговле, важнейшими посредниками в торговле с Индией и Китаем. Под этим и другими предлогами они интенсивно проникают в западноевропейские страны. Следует также заметить, что в это и более позднее время правители европейских стран не были достаточно осведомлены о восточных славянах. Еще меньше они знали о мусульманстве и поч-

ти не имели представления о том, что происходило на азиатском континенте. В-третьих, в первой четверти XIII в. монгольские племена объединились под властью Чингис-хана и двинулись в завоевательные походы сначала в Юго-Восточную и Среднюю Азию, а затем и в Восточную Европу. Начался период захвата татаро-монголами обширных территорий.

Некоторое расширение знаний об отдельных областях жизни азиатского континента происходит после того, как там побывало несколько миссий. Первой миссией, совершившей продолжительное путешествие из Лиона в Каракорум, была группа, возглавляемая францисканцем Плано Карпини (1245–1247), собиравшая сведения о татарах и завоеванных ими странах и народах. По возвращении из этого опасного вояжа Плано Карпини представил Папе Иннокентию IV подробнейший отчет о нравах монголов, их образе жизни, религии, государственном устройстве. В 1249 г. Каракорум посетил францисканский монах Андре Лонжюмо. К сожалению, его отчет не сохранился. Зимой 1252–1253 гг. в Каракорум отправился фламандец Гильом Рубрук.

Однако вернемся к Плано Карпини. Страх перед новыми монгольскими завоевательными походами, неизвестностью будущего народов Европы способствовал тому, что папа Иннокентий IV организовал духовную миссию к монгольскому хану, во главе которой назначили влиятельного минорита, францисканца Плано Карпини. Перед данным представительство было поставлено несколько конкретных задач. Наиболее значимыми среди них были миссионерская (состав миссии, проповедническая деятельность) и разведывательная (сведения о землях, людях, их нравах и обычаях, военной организации) – узнать «истинное желание, дабы внезапным вторжением не застали их (европейцев) врасплох» и «мы имели поручение обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность» [6, с. 6, 20, 21; 3, с. 40]. О выполнении данных задач можно судить по тому, как был отмечен Плано Карпини за проделанную работу руководством католической церкви. За предоставленный отчет, названный “*Libellus historicus*”, автор получил почетный сан архиепископа и назначение в приход г. Антивари.

Если деятельность этого монаха-францисканца носила разведывательный характер, закономерно возникает вопрос: мог ли этот «достойный, остроумный, образованный,

красноречивый и очень способный к разным делам» человек упустить из поля зрения казаков, проходя по землям, которые позже находились под юрисдикцией Войска Донского? В его отчете имеются специальные разделы, в которых автор перечисляет названия земель и народов, которых татары себе подчинили и которые оказали им мужественное сопротивление [6, с. 51]. Около пятидесяти таких имен и наименований мы находим в его тексте. Среди них упоминаются «Саррацины, Бисермины, Туркоманы, Аланы, Кассы, Армены, Чиркасы», мордва, турки, хазары и т.д. Говорится также о «великой Индии», «некой части Аланов, некой части Китаев», Саксах (Там же). Если автор так основательно разбирается с теми, кто попал в неволю и кто отстаивал свою свободу, приводя при этом примеры, мы опять вправе задать вопрос: «Почему среди них не названы казаки?». Может быть, они попали в число тех земель и народов, которые были неизвестны членам экспедиции П. Карпини. Предположим, что это стало возможным. Однако, кроме этих перечислений, в тексте имеется много интересных примеров и деталей из жизни того времени, рекомендаций на предмет ведения результативной борьбы с татаро-монголами. Так, автор детально описывает борьбу алан в осажденной крепости. При этом советует для успешного ведения военных действий против врага уничтожить его знатных вельмож – для внесения в ряды противника дезорганизации; рекомендует иметь запас продовольствия, луков и стрел, камней и пращей, иметь бдительные караулы, применять в открытом бою тактику рассыпного боя, использовать при организации своих действий военспецов и т.д. (Там же, с. 56 – 57). Разве мог автор не назвать при перечислении всего этого набора удачных средств для ведения военных действий против татар казаков – христиан, которые якобы были подвластны мусульманам. Логика документа позволяет нам сказать – нет.

П. Карпини упоминает при рассмотрении того или иного примера венгров, «моравов», поляков, литовцев, руссиев – руфиков (русских), черкесов, хазар, язычников – каманов, кангитов как отважных и уверенных в себе воинов. Говорит о таких реках, как Дон, Волга, Яик (Там же, с. 61, 63), но о казаках – ни слова. Упоминаются русские, находившиеся на службе у монгольского императора. Хорошо запоминается по этому случаю русский золотых дел мастер «Косьма», который оказывал

моральную и материальную поддержку миссии (Там же, с. 69), когда та оказывалась в затруднительном положении. Кроме этого, многие «тайны» члены данного представительства узнавали «через русских, венгров, знающих полатыни и по-французски, через русских клириков» (представителей духовенства) (Там же). При этом, как замечает П. Карпини, некоторые из них «пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар», «от них мы могли все разведать, и они сами излагали нам все охотно, иногда даже без вопросов» (Там же).

Если это было именно так, то казаки обязательно должны были быть упомянуты, т.к. они, несомненно, принимали бы участие в военных действиях татар. Казаки имели бы свой определенный статус в войске. Если это было бы так, то и русские воины, и представители церкви, и «толмачи» обязательно знали об их существовании и обязательно рассказали о них П. Карпини. Уверенность в этом определяется откровенностью и открытостью русских, а также представителей других национальностей с иностранцами. Однако прямого или косвенного упоминания о казаках, как мы видим из текста, нет.

Автором другого описания путешествия в восточные страны, совершенного в этом же веке, но немного позже, является Вильгельм Рубрук. Экспедиция в Каракорум под его руководством была совершена в 1253 – 1255 гг., через шесть лет после возвращения из ставки татаро-монголов Плано Карпини. Эта миссия уже имела дипломатическое прикрытие, и задачи перед Гильомом Рубруком, монахом, участником крестового похода, умным и широко образованным, были поставлены не духовным лицом, а королем Франции Людовиком IX (Там же, с. 76). И путь данной экспедиции уже имеет другой маршрут, нежели он был у Плано Карпини. Все эти, хотя и незначительные отличия, позволяют автору проводить описание увиденного немного по-другому, хотя цель и этого «путешествия» – собрать сведения о татаро-монголах.

Благодаря тому, что этот маршрут начался из другой отправной точки, мы имеем возможность познакомиться с описаниями Понтийского моря, Крымского полуострова и его населения, Танаидом (Доном), а также с другими территориями и природными объектами.

Автор старался реалистично подойти к изображению тех, кто обитает на просторах

южнорусских степей. Хотя цель его «путешествия» – татары, он с первых страниц своего послания начинает говорить о русских. Купцы, например, советовали ему приобрести для путешествия «крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха» [6, с. 78]. В Константинополе он предусмотрительно покупает «отрока Николая» (Там же, с. 79). В главе XII автор говорит о том, что при дворе одного из вельмож Сартака живут «христиане русские, греки и аланы», не отрекающиеся от своей веры (Там же, с. 79). Первое же впечатление Рубрука о татарах гласит: «... когда я вступил в их среду, мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир» (Там же).

В своем изложении автор старается донести суть того, что в реальности представляют татаро-монголы. Он пишет, что они кочевники, не имеющие постоянного места жительства (Там же). На этом фоне Рубрук описывает их жилище (юрту), быт, кочевье, семейный уклад. В неприхотливой форме рассказывает о пище, которую они едят, и о том, что пьют, упоминает не известные для него напитки айру (у казаков это арьян) и кумыс (Там же, с. 90–91). Рассказывает о местности, которая расположена между «Танаидом и Этилия», и о том, что в этих местах они шли «три дня не находя народа» (Там же, с. 96). Последний факт, описанный Рубруком в середине XIII в., подтверждает сведения о малочисленности заселения проходимых миссией территорий, среди которых были и прилегающие к Дону земли. Несмотря на констатируемую малонаселенность, Рубрук делает интересную для нас зарисовку. Члены его миссии во время перехода из владений Сартака во владения Бату постоянно испытывали чувство страха. Что так могло беспокоить путников? Оказывается: «Русские, Венгры и Аланы, рабы их (татар), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть» (Там же, с. 102).

Чувство страха, как мы знаем, возникает при условии отсутствия чувства безопасности за свою жизнь. Эта неуверенность, как отмечает автор, возникала у всех путешественников, купцов, миссий на пути христиан, на зем-

лях, по которым татары гнали к себе пленных или угнанных в рабство. Эти русские, венгры, аланы и люди других национальностей, о которых вовсе не заботились татары в плане организации питания и постановки на регулярное довольствие, вероятно, и составляли часть легко вооруженного авангарда, живого щита татаро-монгольского войска. Забота о выживании этой части войска, скорее, было делом командиров низшего звена: десятников, пятидесятников, которые, вероятно, обладали ограниченными возможностями в выполнении этой части своих служебных обязанностей. Поэтому они и разрешали своим подчиненным безнаказанно обеспечивать себя всем необходимым для жизни при помощи набегов и разбоя, привычными для того времени методами. Возможно, именно поэтому проводник Рубрука испытывал панический страх. Однако как назывались эти люди и кем они были, он не знал. Рубрук просто зафиксировал это явление из жизни татар в своем отчете без всяких комментариев. Казаки ли это, мы не знаем, но то, что существовали ватаги численностью 20 – 30 человек, свободно перемещавшиеся в границах и на просторах татаро-монгольских ханств, – это факт.

Далее Рубрук в своем отчете упоминает страну Албанию, которая простирается от Железных Ворот Александра (Дербент), по его мнению, и «гор Аланов до северного океана и Болот Меотиды, где начинается Танаид» (Там же, с.103). В этой же главе он говорит о новом поселке на берегу Этилия, «который Татары устроили вперемежку из Русских и Сарацинов, перевозящих послов, <...> направляющихся ко двору Бату» (Там же), рассказывает о булгарах – самых злейших сарацинах, «крепче держащиеся закона Магомета, чем кто-нибудь другой» (Там же), но не о казаках и православии.

Определение Албании взято Рубруком из «Этимологий» Исидора Севильского (книга XIV, с. 501) (Там же, с. 209). По мнению этого средневекового географа, Кавказ простирался от Индийского океана на запад, а Уральские горы являлись одним из его боковых хребтов. Возможно, в перечисленных автором фактах есть некоторые географические неточности, но то, что в них говорится о Кавказе, современных южнорусских просторах и тех, кто на них обитал, можно не сомневаться. Сомнения в первичном переводе подтверждаются последующими записями автора. По этому поводу и другим эпизодам своего изложения Рубрук замечает: «... будь у меня хороший толмач (пе-

реводчик), я имел бы удачный случай посеять много добра» [6, с. 109]. Если говорить современным языком, он мог бы произвести описание того, что с ним происходило более удачно и с большей точностью. Но даже то, что запечатлено этим автором, позволяет нам определить косвенный факт появления на исторической арене казаков, т.е. образование в среде татар такого контингента, который позже, возможно, стал основой казачества. Она составляла подневольную часть населения, угоняемую из завоеванных татаро-монголами территорий в Золотую Орду.

Летом 1255 г. Рубрук покинул Каракорум и через год вернулся к себе на родину. Возвратившись в свою церковь, он описал, правда, в общих чертах, некоторые страны, территории и людей.

Кроме специальных миссий в Центральную Азию и Китай направлялись и другие категории западноевропейцев. К таким относились в первую очередь купцы, вероятно, также получавшие задания по сбору информации, среди которых наряду с вопросами, связанными с перевозкой товаров, было наблюдение за дорогами, средствами сообщений, особенностями развития стран и их населения. Вообще, регламентация деятельности части купечества в XIV в. проходила на основе решения вопросов, нашедших отражение в книге «Практика торговли» (*Pratica della mercatura*), составленной флорентийцем Франческо Бальдуччи Пеголотти. Это небольшое средневековое сочинение было своеобразным методическим пособием по организации и ведению торговли в разных странах, своеобразной экономической географией для многих представителей купечества того времени. Однако первой книгой-руководством по своему основному содержанию в этом направлении считается «Книга» Марко Поло.

Марко Поло был родом из венецианской купеческой семьи. Его путешествие в Китай, резиденцию хана Хубилая, внука Чингис-хана, и обратно длилось 24 года. Началось оно в 1271 г. Вернулся на родину в 1295 г. Осенью 1298 г. после морского сражения при острове Курцола между венецианцами и генуэзцами попал в плен. Находясь в генуэзском заключении, он и продиктовал свои воспоминания – «Книгу, именуемую “О разнообразии мира”» [4, с. 43]. В это издание вошли материалы «старших Поло», личные наблюдения самого Марко Поло, рассказы людей, с которыми ему довелось встретиться.

Нашей задачей не является доскональное исследование данного средневекового произведения. Этому посвящены работы В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», И. Магидовича «Книга Марко Поло» и многих других авторов. Наша цель – найти в этом источнике материал о казачестве, упоминание о нем.

Скупая информация «старших Поло», Николая и Матвея, несмотря на то, что они «целый год прожили в земле Барка-хана» (Там же), не дает нам представления ни о землях, которые они прошли до того, как прибыли в Булгар, ни о жителях этих земель. По данному материалу мы можем лишь представить, что «народ бедствовал» и по дорогам «ходить вовсе нельзя было, всех в плен забирали» (Там же, с. 45). Иначе говоря, старшие Поло прошли путь от Судака в Крыму до Булгара на средней Волге, где находилась ставка золотоордынского хана Берке, беспрепятственно. У них не возникло никаких эмоций, которые позже всколыхнули бы их воспоминания и нашли бы отражение на страницах вышеупомянутого труда.

Кроме описания пути «старших Поло», Марко Поло ведет в своей «Книге» рассказ о многих странах и народах. В его тексте мы находим следующие характеристики русских и Руси: «... люди эти <...> рослые и статные; они белы, без всякого румяна», Русь – это «Великая Росия», в которой «живут христиане греческого исповедания...», у них «свой собственный язык»; «народ простодушный и очень красивый» (Там же, с. 226). При этом называются и другие народы, которые в силу своей разрозненности и отсутствия единства попали в рабство к татарам (Там же, с. 228).

Это подтверждение сообщений предыдущих авторов об использовании татарами подневольного труда и применении пленных при ведении военных действий («народу зла не делали, ничего у него не отнимали, а только уводили его с собою покорять других людей» (Там же, с. 85).

О татарах и некоторых правителях Золотой Орды материал представлен. Однако, говоря словами автора, «о Великом (Черном) море и областях, что лежат вокруг него» ввиду того, что венецианцы, генуэзцы и пизанцы постоянно плавают по этому морю и знают об этих местах все», писать он не собирается (Там же, с. 237). Поэтому нам необходи-

мо обратиться к другим источникам, в которых мы бы могли почерпнуть более конкретную и нужную информацию.

Из приведенных примеров мы можем заключить, что на протяжении большей части средневековья итальянские купцы получали довольно обширную информацию о Востоке и восточных странах и являлись ее поставщиками западноевропейским правителям. В XIII – XV вв. итальянцы внесли важный вклад в организацию сбора информации, учредив постоянные посольства и торговые представительства в Золотой Орде, Персии, Египте и других странах. Особенно в этом преуспели венецианские посланники. Большинство их докладов отличалось высоким качеством, изобилием верных, метких наблюдений. Постоянные посольства обеспечивали возможность непрерывного наблюдения за происходившими в той или иной стране делами и событиями, а также способствовали организации поставки постоянной информации заинтересованным в этом лицам. Однако казаков они нигде и никогда не упоминают.

Литература

1. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. М., 1955.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / АН СССР. М. – Л., 1950 – 1953. Т. I – III.
3. Даллес А. Искусство разведки. М., 1992.
4. Книга Марко Поло. М., 1955.
5. Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1949. Т. I.
6. Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Гильома Рубрука. Алматы, 1993.

West European authors of the XIII – XIV centuries about the population of South Russian steppes

Plano Carpini, Guillaume Rubrouck, Marco Polo made an important contribution to the organization of collecting the information and broadening the knowledge about the necessary life spheres of the people living in South Russian steppes. The analysis of these sources lets speak about the Cossacks as about a non-existent phenomenon in the early Middle Ages period at these territories.

Key words: *mission, travel, monk-Franciscan, Christian, the Russians, fear, the Golden Horde, trade practice, information.*

Н.В. БОЖКО, А.В. СТРУКОВ
(Воронеж)

ИДЕЯ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА ВСЕЛЕНСКОМУ ПРАВОСЛАВИЮ В ПРЕДДВЕРИИ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ XVII в.

Анализируются идея покровительства вселенскому православию во взглядах и политике русских царей, возможности ее толкования в рамках теории «Москва – Третий Рим». Авторы рассматривают проблему взаимоотношений русского и украинского духовенства в преддверии церковной реформы XVII в.

Ключевые слова: *церковная реформа XVII в., «Москва – Третий Рим», статус киевской митрополии в XVII в.*

Раскол русской церкви, последовавший вслед за церковной реформой XVII в., нередко заслоняет исследование причин проведения последней. Вместе с тем уже Н.Ф. Каптерев приходил к выводу, что церковная реформа, прочно связанная в нашем сознании с именем Никона, на самом деле возникла во дворце, среди ближайшего окружения царя Алексея Михайловича, что не позволяет рассматривать ее как внутрицерковное событие, вне контекста внутренней и внешней политики государства. В работах Н.Ф. Каптерева собран обширный материал, подтверждающий заинтересованность царской власти в унификации церковных обрядов и книг по греческим образцам [2]. Связь церковной реформы с внешней политикой государства анализируется в монографии С.В. Лобачева [6]. Вместе с тем выяснение всего комплекса причин проведения церковной реформы требует анализа идеи покровительства вселенскому православию во взглядах и политике русских царей.

К XVII в. русские цари окончательно утвердились в роли покровителей вселенского православия, чему в немалой степени способствовали исторические события. В 1453 г. пал Константинополь – «второй Рим». В 1472 г. Иван III вступил в брак с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог. В 1480 г. Русь избавилась от татаро-монгольского ига, став единственным независимым православным государством в мире. О новой роли России и русского царя ярче всего свидетельствовало появление теории «Мо-